

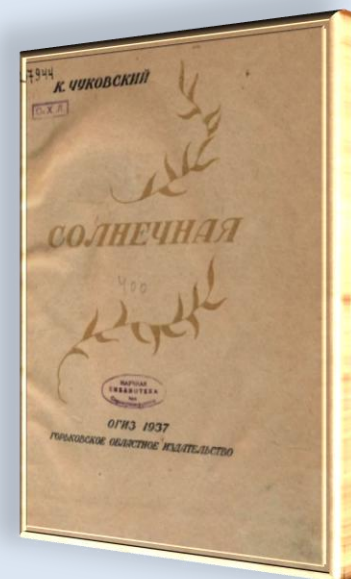
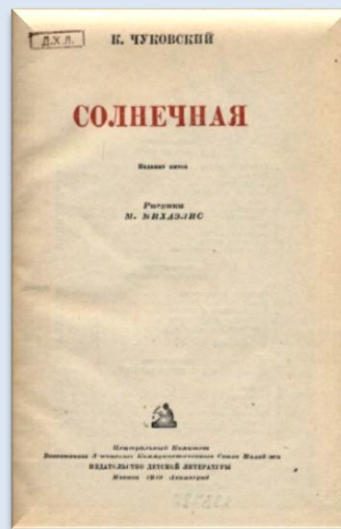
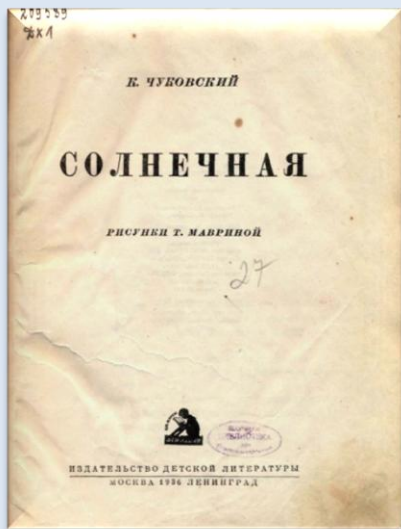
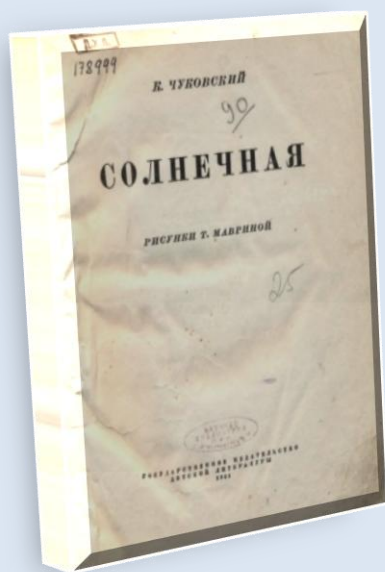
*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского*

Зональная научная библиотека имени В. А. Артисевич

представляют виртуальную выставку-обзор

***ДЕТСКАЯ КНИГА 1930-Х ГОДОВ В ФОНДЕ ЗНБ СГУ
к 140-летию со дня рождения Корнея Чуковского (1882 – 1969)***

***«СОЛНЕЧНАЯ»
(1931)***

***Саратов
2022***

*Мурочка Чуковская
(1920 – 1931)*

«Мурочка, четвёртый ребёнок Чуковского, появилась на свет 24 февраля 1920 года в голодном и холодном Петрограде. «Долгожданное чадо, которое — чёрт его знает — зачем, захотело родиться в 1920 году, в эпоху гороха и тифа», — писал её отец в дневнике. Грипп-испанка, нет электричества, нет хлеба, нет одежды, нет обуви, нет молока, ничего нет.

Чуковскому было почти 38 лет, старшим детям — 16, 13 и 9. Он зарабатывал на жизнь, как тогда говорили, пайколовством: читал лекции в Балтфлоте, в Пролеткульте, во «Всемирной литературе», в Доме искусств, в Красноармейском университете; читал акушеркам и милиционерам, читал, читал без конца. За лекции давали пайки. На эти пайки кормились все домашние: жена и четверо детей.

<...> Мурочка ещё совсем крошка, а отец измочален работой и добыванием еды. Дневник Корнея Ивановича в первый год Мурочкиной жизни рассказывает о ней не так уж много: младенец пищит, радуется огонёчкам, вертит головой, дёргает папу за усы, прыгает на руках. Младенец восхищается самоваром. Младенца приучают к горшку. В полтора года младенец уже порывается говорить, и отец замечает, как девочка радуется, когда ей называют предметы, на которые показывают. Девочка начинает говорить. Уже определяется индивидуальность: эмоциональную, чуткую, нервную Мурочку легко рассмешить, обрадовать, изумить, рассердить, обидеть; она очень похожа на

отца — даже тем, что, как и он, плохо спит. Укладывая, заговаривая её долгими бессонными ночами, он рассказывает ей сказки. Знаменитый «Крокодил» тоже вырос из такой сказки-заговаривания, рассказанной больному ребёнку в дороге. <...>

Мурка скоро стала его верным читателем, а потом — любимым собеседником. Как только она заговорила, с ней стало необыкновенно интересно. <...> Он много гуляет с дочкой, бегают, показывает ей мир — зверей, птиц, людей, даже кладбище. Играет с ней в школу, придумывает для неё страны, сочиняет для неё книги. Марина Чуковская, жена старшего сына Корнея Ивановича Николая, вспоминала, как Чуковский играл с Мурой в собаку: водил её на поводке, а она лаяла; сцена шокировала прохожих, но оба были невероятно счастливы.

<...> Мурочка — его отрада. С Мурочкой он читает Пушкина, Некрасова, Лонгфелло, учит с ней буквы, разговаривает; Мурочка является к нему феей: постучи, к тебе явится фея и исполнит твои желания... Является и исполняет: стелет постель, выносит из комнаты посуду... По дневникам видно, как стихийная одарённость чудесного возраста от двух до пяти к шести годам сменяется рефлексией, искусственностью и оглядкой на окружающих: папа, я придумала детское слово — вкусянка вместо запеканки...».

Цит. по: Лукьянова, И. Долгожданное дитя / Ирина Лукьянова. – Текст : электронный // CHUKFAMILY : литературный сайт / Юлия Сычёва, Дарья Авдеева. – 2004 – 2022. – URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/irina-lukyanova-dolgozhdannoe-ditya> (дата обращения: 22.03.2022).

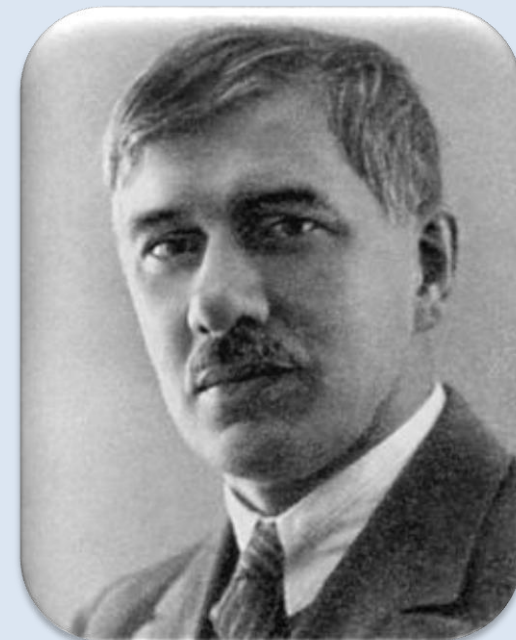
Мура часто болеет — всякий раз тяжело, страшно, — и он плачет от бессилия и сострадания, и боится потерять это драгоценное дитя, и теряет надежду, и снова обретает её. Он много раз думал, что теряет её, и она всегда возвращалась — такая похожая, такая созвучная, такая музыкальная. <...>

Нервная, возбудимая Мура была слишком сложная, слишком сосредоточенная на своих душевных переживаниях; недаром Чуковский писал: «Ей непременно надо быть в обществе детей — с нами и с Бобой она становится капризной и нервной и привыкает к тому, что она — центр мироздания». И потом уже, когда Мура была совсем больна, в очерке о санатории, где её лечили от туберкулёза, он писал, что ребёнку полезно быть с другими, думать о других, жить общей с ними жизнью и не заикливаться на своей боли — на том, какой он замечательный страдалец...

<...> Тем временем положение его в литературе становилось всё хуже: его вытеснили отовсюду, сказки не только попали под запрет, но даже напечатанный его книги Госиздат подвергся жёсткой критике за политические ошибки. Политической ошибкой была публикация Чуковского: когда советскому ребёнку надо было рассказывать о великих планах и свершениях, о могучих стройках и новых механизмах, об индустриализации и коллективизации, не перековавшийся буржуазный писатель Чуковский отвлекал детей глупыми нелепицами, небывальщинами, говорящими зверями... Всякий раз, как критики заводили речь о детской литературе, Чуковский неизменно оказывался вредным и безыдейным.

Бармалей слишком страшен, зайка — сельскохозяйственный вредитель, муха — вредное насекомое, крокодилы и бегемоты заслоняют от детей фабрики и заводы, — словом, критики в один голос требовали, чтобы за государственный счёт Чуковского не издавали. И его не издавали. Госиздат, спасая себя, вынудил загнанного в угол и лишённого работы Чуковского написать письмо с признанием своих ошибок. Письмо это опубликовала «Литературная газета» 30 декабря 1929 года. Чуковский до конца своих дней не мог простить себе этого письма, которое считал изменой самому себе и литературе.

«Я понял, что всякий, кто уклоняется сейчас от участия в коллективной работе по созданию нового быта, есть или преступник, или труп. Когда я вернулся домой и перечитал свои книги — эти книги показались мне старинными. Я понял, что таких книг больше писать нельзя, что самые формы, которые я ввёл в литературу, исчерпаны». Он говорил, что не может больше писать ни о каких крокодилах, что старые темы для него умерли. Он обещал написать для советских детей книгу «Весёлая колхозия».

*Корней Чуковский
(1882 – 1969)*

Литературные соратники восприняли это как предательство. Да и сам он понимал, что письмо это — сродни клятвопреступлению, отречению Петра или отречению Галилея.

И всё, что было дальше, он считал расплатой за это отречение. «В голове у меня толпились чудесные сюжеты новых сказок, но эти изуверы убедили меня, что мои сказки действительно никому не нужны, — и я не написал ни одной строки. И что хуже всего: от меня отшатнулись мои прежние сторонники. Да и сам я чувствовал себя негодяем. И тут меня постигло возмездие: заболела смертельно Мурочка».

Мура заболела в конце 1929 года, отчасти её болезнь и подтолкнула отца к краю отчаяния. В 1930 году стало понятно, что у неё костный туберкулёз. Сначала заболела нога, потом глаз — на один глаз она ослепла, одно время ей даже собирались удалять его, что приводило отца в исступлённый ужас. У Муры страшно болели ноги, в костях появлялись гнойники, ноги гипсовали, под гипсом возникали гнойные свищи, взлетала температура... В таком состоянии девочку повезли в Крым, в Алупку, где в санатории доктора Изергина туберкулёз лечили закаливанием. Больше его ничем лечить тогда не умели: только увозили больных в мягкий климат и старались укрепить организм, чтобы сам боролся с болезнью...<...>

Мурочке пришлось быть сильной. Пришлось остаться без родителей (их бесцеремонно выпроваживали) наедине со своей болью и страхом, с мыслями о смерти. Пришлось терпеть мучительные перевязки и уколы в рану. Мурочка узнала, как и каждый пионер на её Октябрьской площадке (дети на кроватях лежали на площадках под открытым небом), что «нужно волноваться не своей болезнью, а, скажем, судьбами китайских кули и всемирным слётом пионеров, что на свете есть колхозы и трактора и что вся жизнь связана тысячью нитей с целым рядом таких явлений, которые не существовали в родительском доме». «И чувство этой связи является целебным лекарством», — заключал Чуковский. <...>

Когда он ненадолго уезжал, писал Муре письма. Серьёзно, по-взрослому критиковал её стихи: «Они поэтичны и написаны с большим мастерством. Сразу видно, что ты читала «Mother Goose» и Жуковского, и Блока, и Пушкина. Особенно мне понравились «Солнечный зайчик», «Новая кукла» и «Мы лежим». «Буря», «Улитки» — совсем неудачны. В «Новой кукле» и в «Солнечном зайчике» — очень музыкальный ритм, и я никогда не ожидал, что ты так хорошо им владеешь»... Он предлагал ей писать книгу о санатории и наконец сам начал её писать.

Книгу назвал «Солнечная». Она в самом деле очень солнечная — книга, придуманная для Муры, написанная вместе с ней, не могла быть другой. Он читал Муре кусочки, она узнавала санаторский быт и радовалась. В повести дети, лежащие в гипсе на площадках, живут активной пионерской жизнью. Переживают за иностранных рабочих, борются за сокращение жвачничества (это когда сидят над тарелкой без аппетита и еле едят). Да, им больно, да, им плохо, им тяжело, но не это главное в их жизни, а главное — их участие в созидательной работе всей страны. Мура умирала, а книга победоносно шагала к счастливому финалу. Поэтому читать её очень тяжело. Это нечестная книга. <...>

Мурочка умерла в ночь на 11 ноября 1931 года».

Чуковский с младшей дочкой Мурочкой

Источник фото: Чуковский с младшей дочкой Мурочкой. – Изображение : электронное // Суранова, М. Корней Чуковский. Трагедия в жизни писателя, и любимые стихи на все времена. – URL: <https://www.rewizor.ru/literature/%D1%81ulture-faces/korney-chukovskiy-tragediya-v-jizni-pisatelya-i-lubimye-stihi-na-vse-vremena/> (дата обращения: 29.03.2022).

В «Дневниках» Чуковского, изданных в 2006 году в составе 15-томного собрания сочинений, записи о болезни Муры, сделанные им в отдельной тетради «Дневник о Муре», вошли лишь выборочно, но и этих скупых, горьких строк достаточно, чтобы представить весь трагизм этой короткой в днях, но мучительно долгой в часах борьбы жизни со смертью.

«Забалтывание» физической боли другого было изобретено Чуковским ещё тогда, когда тяжело болел сын Боба, затем этот приём сработал для горячо обожаемого Чуковским Александра Блока, и для чуткой к слову Муры почти отчаявшийся отец применяет это проверенное средство. Так и рождается книга, тон которой сам автор в «Дневниках» называет фальшивым и приподнятым. Но Мура «читает мою «Солнечную» и улыбается».

На выставке представлены четыре издания «Солнечной» из фонда ЗНБ СГУ (1934, 1936, 1937, 1939). После выхода в свет в 1932 году (публикация в журнале «Пионер») повесть часто переиздавалась, так как отвечала читательскому запросу и при тиражах в 50 000 экземпляров не могла его удовлетворить. Издания 1937 и 1939 годов вышли меньшими тиражами – 30 000 и 25 000 соответственно. История первых лет бытования «Солнечной», приём её критикой и первыми читателями подробно проанализированы в статье М. Р. Тазетдиновой «Повесть К. И. Чуковского «Солнечная» в читательском восприятии современников» (см. список литературы). Отметим, что после 30-х годов XX века повесть надолго ушла из поля зрения читателя, и следующие переиздания – 2011 и 2019 годов.

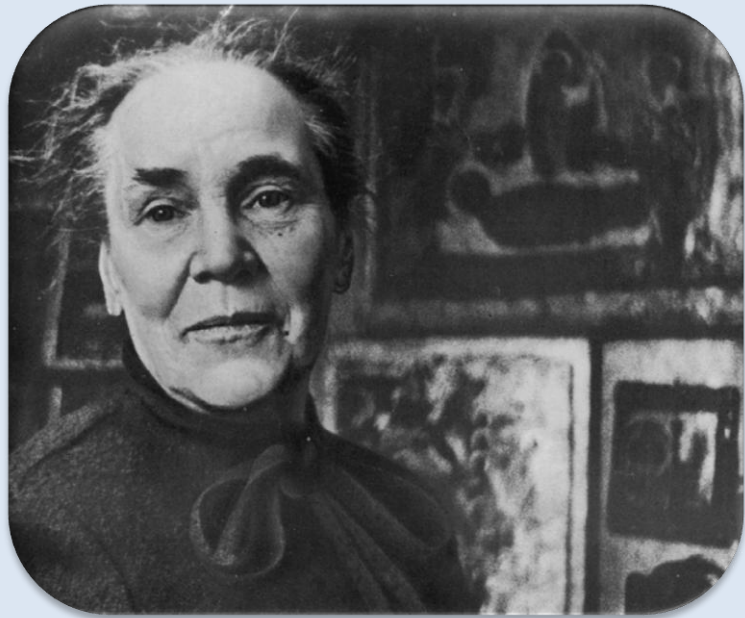
Из отзывов на labirint.ru

Купила книгу ребенку-подростку, прочитала сначала сама. Почему-то раньше я про неё не знала. Книга светлая, **Солнечная**, состоит из коротеньких историй, но, помня, что способствовало её появлению, какие тяжёлые эмоции и страдания перенёс Автор, в конце каждой истории - ком подступает к горлу. Думаю, стоит читать и детям, и взрослым, детям желательно иметь представление об атмосфере тех лет. (ValentinaK).

Книга помещает в удивительно счастливый мир больных детей, собранных в детском санатории у моря. Врачи и воспитатели - подвижники, давшие веру в выздоровление и надежду на нужность каждому людям, на дружбу. Чистая, искренняя книга. (Ефанов Николай).

Трогательная и правильная детская повесть. О лете, о преодолении, о дружбе. Атмосфера очень ностальгическая, но, я думаю, и современным детям она не повредит. Короткие забавные рассказы - про самых разных детей, живущих вместе. Восторженных, творческих, растерянных новыми знакомствами, стремящихся к чему-то новому. Очень позитивная, жизнеутверждающая книга! (anna86).

Цит. по: Рецензии на книгу «Солнечная» Корней Чуковский. – Текст : электронный // Лабиринт. Книжный интернет-магазин. – 2022. – URL: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/697051> (дата обращения: 28.03.2022).

*Татьяна Алексеевна Маврина
(1900 – 1996)*

Татьяна Алексеевна Маврина (7.12.1900 – 19.08.1996) — русский художник, иллюстратор, живописец и график.

Родилась в Нижнем Новгороде 7 декабря 1900 года в семье педагогов, известного учителя и литератора, земского деятеля Алексея Ивановича Лебедева и Анастасии Петровны Мавриной.

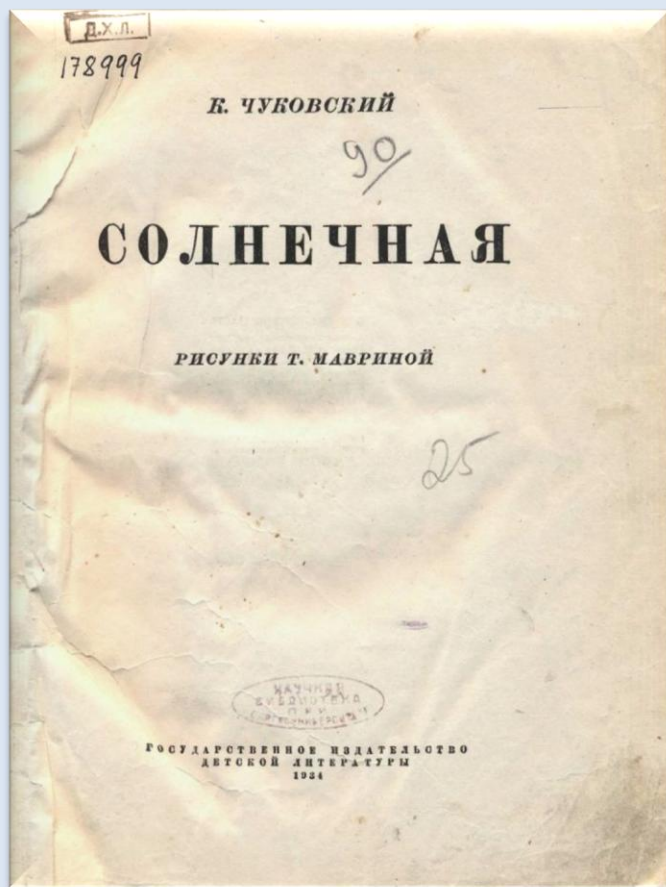
Училась в Москве в Высших художественно-технических мастерских — Высшем художественно-техническом институте, ВХУТЕМАС – ВХУТЕИН 1921 – 1929 годы, где училась у Р. Р. Фалька, Н. В. Синезубова, Г. В. Федорова.

С 1929 по 1931 годы входила в группу художников «Тринадцать», которую составляли художники-графики, мастера живописного рисунка. Участвовала в двух состоявшихся выставках группы. Начиная со второй выставки группы 1930 года взяла фамилию матери — Маврина.

В 1930 году выходит замуж за художника-графика Н. В. Кузьмина. Живут в Москве, в крохотной комнатке на Сухаревской площади, летние месяцы проводя на даче в Абрамцеве.

В 1930-е годы, годы диктата разрешенного пути в искусстве, «тихого искусства», Маврина занималась живописью, писала акварели, работала как иллюстратор. Под её рукой оживали тексты В. В. Маяковского, А. Барто, Д. Бедного, К. Г. Паустовского, С. Н. Сергеева-Ценского, А. Франса и Стендаля.

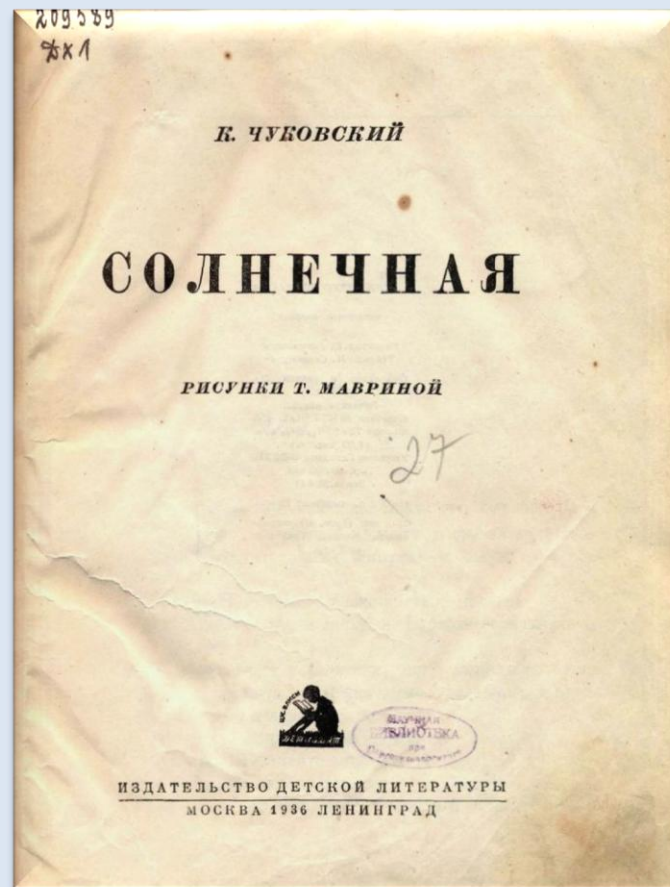
Цит. по: Татьяна Алексеевна Маврина. – Изображение. Текст : электронные // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Сердобский научный кружок краеведения и уездный музей : юбилейное издание, дополненное. – 2017. – URL: <http://www.oldserdobsk.ru/index.php/1041.html> (дата обращения: 23.02.2022).

178999

Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки Т. Мавриной. – 3-е дополненное издание. – Москва : Государственное издательство детской литературы, 1934. – 99, [5] с. : рис. – Текст : непосредственный.

Издание поступило в фонд 26 мая 1935 года.

209589

Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки Т. Мавриной. – 4-е издание. – Москва ; Ленинград : Издательство детской литературы, 1936. – 97, [3] с. : рис. – Текст : непосредственный.

Издание поступило в фонд 14 июля 1936 года.

Крики пугали Сережу. У Сережи был сильный жар. Ему казалось, что там, за стеной, прыгают какие-то хвостатые и огибают друг у дружки хвосты.

Он хотел заплакать, но раздумал и неслышно сказал:

— Я боюсь.

Доктор пощекотал ему пальцем живот и выкатился в открытую дверь.

А из-за двери кричали:

— Улетела Франция! Ловите, ловите!

— Буба, отдай пятилетку!

— Зоя Львовна, поднимите Америку!

Сережа ничего не понимал. Что за Буба? Какая Америка? О чем они кричат, эти хвостатые?

XX Сережа приехал сюда из Москвы. Путешествие замучило его. Теперь он отдыхал после долгой и трудной дороги. Его вымыли в ванне, остригли ему вихры, перевязали больное колено и положили в изолятор, в отдельную комнату. В изоляторе было чисто и пусто. Говорили здесь шопотом, ходили на цыпочках. Целыми стаями влетали сюда воробьи, удивительно смелые, и в пого-

6

нула, но нитка у него была крепкая, и он самым бессовестным образом тянул несчастную лебедь к себе.

Вдруг откуда-то справа выскочила мастирка с кипарисной шишкой на конце, налетела на мастирку черномазого и обмоталась вокруг ее нитки. А за ней — четвертая, пятая...

Скоро над бочкой сплелась целая паутина мастирок. Закипел отчаянный бой. Лица у мальчиков сделались красные, и странно было видеть, что вся эта драка происходит в стороне от драчунов, а драчуны лежат неподвижно в кроватях.

— Еще хорошо, что нет Бубы, — сказала тихая девочка, сидевшая рядом. — Этот Буба — такое страшидло.

— Уж он устроил бы им завируху!

12

178999

Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки Т. Мавриной. — 3-е дополненное издание. — Москва : Государственное издательство детской литературы, 1934. — С. 6, 12. — Текст : непосредственный.

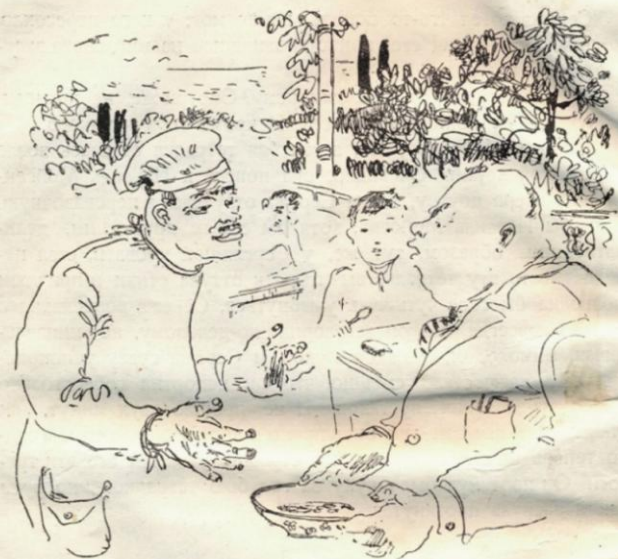
вый же день, когда доктор Демьян Емельяныч наклонился над его больным бедром, Буба впился доктору зубами в плечо и укусил его, как бешеный пес.

— Чудак! — сказал Демьян Емельяныч. — Если ты не будешь лечиться, у тебя пропадет вся нога.

— Пускай пропадет, — сказал Буба. — Нога не твоя, а моя. И пнул его здоровой ногой.

Был он мрачный и сонный, ни на кого не глядел, на товарищей не обращал никакого внимания, сидел нахолившись и угрюмо молчал.

20

За обедом произошла суматоха, которая насмешила Сережу. Нина ходячая, сидевшая неподалеку от бочки, вдруг взвизгнула, будто ее укололи иглой, и в ужасе отодвинула от себя деревянную чашку с компотом: в компоте оказался червячок, вроде тех, которые водятся в яблоках. Поднялась суета, прибежал Барaban Барабаныч и, потребовав к себе главного повара, бешеным жестом сунул ему прямо под нос Нинину деревянную чашку.

36

178999

Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки Т. Мавриной. — 3-е дополненное издание. — Москва : Государственное издательство детской литературы, 1934. — С. 20, 36 — Текст : непосредственный.

в гипсе. — но все в бумажных разноцветных шляпах, все с красными флагами, у всех рот до ушей, все счастливые.

Много в тот день проезжало автомобилей, нагруженных детьми, по гудрону Пентапейской дороги, и все они кричали „ура“ и махали красными флагами, но солнечные были счастливее всех: они впервые участвовали в первомайской процессии, они везли подарки в Пентапейский колхоз — вон сколько ведер! и какие зеленые! — они увидят настоящую мельницу, они увидят настоящий трактор, они увидят индюков и телят, и напрасно уговаривает их Демьян Емельянич, чтобы они хоть на минуту перестали неистовствовать и кричать во все горло „ура“.

И самый счастливый из них — несомненно Илько. Его помилвали, взяли с собой, потому что, едва он увидал грузовик,

79

Скорее, скорее, тяните, наматывайте! Змей упирается, рвется из рук, ему явно не хочется возвращаться в тесноту, в духоту, на полку стеклянного шкафа. Он вихляется то влево, то вправо и словно просит, чтобы ему позволили еще полетать, но Адам Адамыч настойчив и тверд, и через десять минут змей уже лежит на земле, и Нина ходячая поднимает его и водворяет в шкаф.

— Уююй, какой большой! — говорят малыши, как будто они думали, что там наверху он и вправду сделался маленьким.

Через несколько дней после праздников наступила такая жара, какой Сережа еще никогда не видал. Ветер прекратился, и Солнечная стала, как раскаленная печь.

70

87

178999

Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки Т. Мавриной. — 3-е дополненное издание. — Москва : Государственное издательство детской литературы, 1934. — С. 79, 87. — Текст : непосредственный.

*Юрий Алексеевич Порфирьев
(1898 – 1944)*

Источник фото: Лушин, А. Художник и музыкант Юрий Алексеевич Порфирьев / Александр Лушин. – Изображение : непосредственное // Нижегородская старина. – 2003. – Выпуск 6 (апрель-июнь). – С. 21-23.

Юрий Алексеевич Порфирьев родился в 1898 году в семье известного церковного деятеля и педагога, настоятеля Спасо-Преображенского кафедрального и Михаило-Архангельского соборов Нижнего Новгорода протоиерея Алексея Александровича Порфирьева. Окончил нижегородскую гимназию. В связи с тяжёлыми семейными обстоятельствами другого систематического образования не получил.

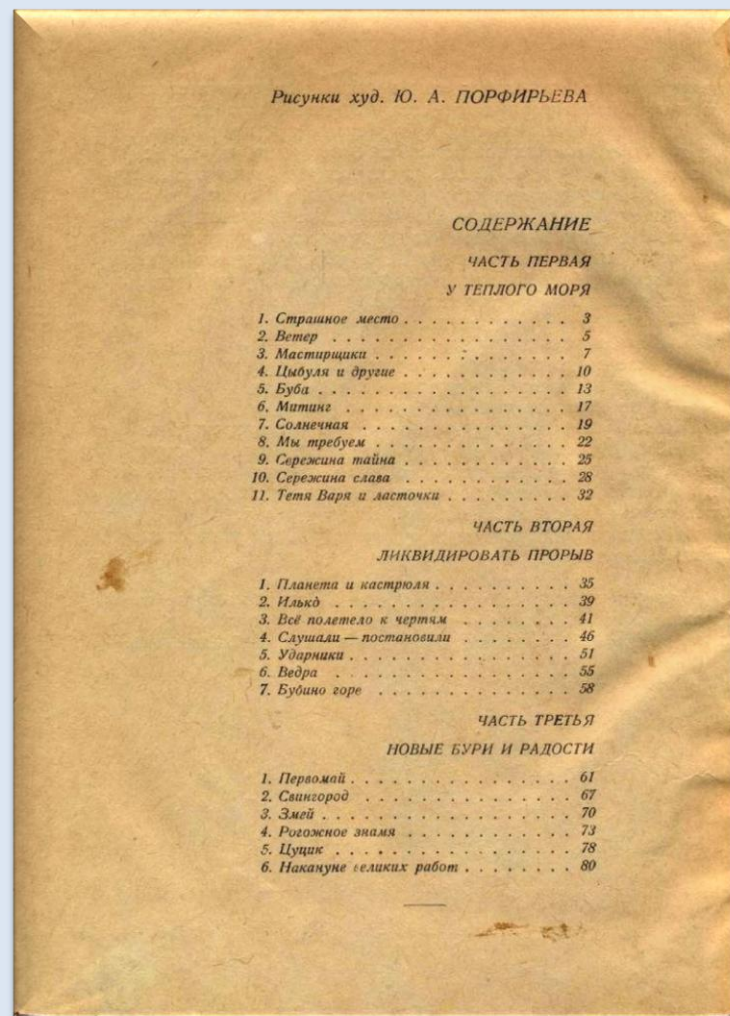
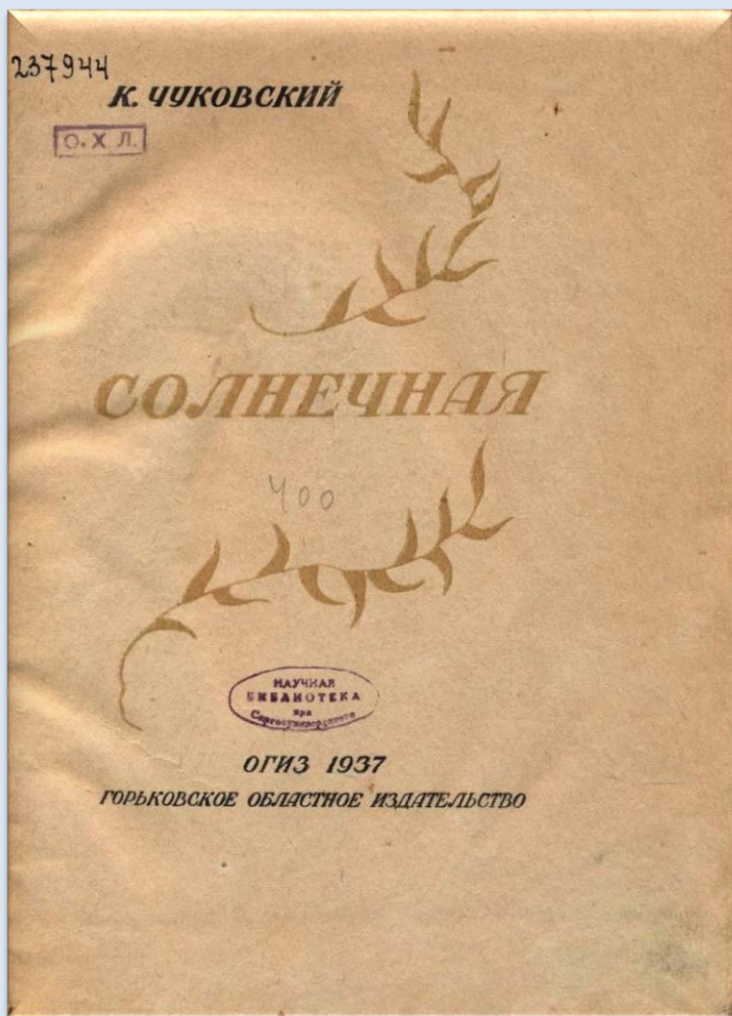
В начале 1920-х годов становится заметным среди художников Нижнего Новгорода, иллюстрирует ранние рассказы М. Горького, в 1930-е для Нижегородского издательства выполняет серию рисунков к повестям Н. В. Гоголя и сборнику сказок Нижегородской земли.

В 1921 году в нижегородском доме союзов проводилась областная выставка картин профсоюза работников искусств и секции ИЗО подотдела искусств. Из каталога этой выставки мы узнаем, что в ней принимали участие такие известные художники, как Фёдор Богородский, Михаил Буланов, Иван Волков и Алексей Сёмочкин. Под № 95 в этом каталоге указана картина Ю. А. Порфирьева «Грусть Шопена», местонахождение которой ныне неизвестно.

К началу 1930-х годов был известным в Нижнем Новгороде портретистом и музыкантом.

В газете «Горьковский рабочий» 5 апреля 1936 года Ю. А. Порфирьев опубликовал статью «Об искусстве иллюстрирования», в которой проявил себя крупным искусствоведом, истинным ценителем и тонким знатоком классической живописи.

Цит. по: Лушин, А. Художник и музыкант Юрий Алексеевич Порфирьев / Александр Лушин. – Текст : непосредственный // Нижегородская старина. – 2003. – Выпуск 6 (апрель-июнь). – С. 21-23.

Рисунки худ. Ю. А. ПОРФИРЬЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
У ТЕПЛОГО МОРЯ

1. Страшное место	3
2. Ветер	5
3. Мастирицки	7
4. Цыбуля и другие	10
5. Буба	13
6. Митинг	17
7. Солнечная	19
8. Мы требуем	22
9. Серезина тайна	25
10. Серезина слава	28
11. Тетя Варя и ласточки	32

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЛИКВИДИРОВАТЬ ПРОРЫВ

1. Планета и кастрюля	35
2. Илько	39
3. Вся полетела к чертям	41
4. Сдушадя — постановили	46
5. Ударники	51
6. Ведро	55
7. Бубино горе	58

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
НОВЫЕ БУРИ И РАДОСТИ

1. Первомай	61
2. Свигород	67
3. Змей	70
4. Рогожное знамя	73
5. Цуцки	78
6. Накануне великих работ	80

237944

Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки художника Ю. А. Порфирьева. – Горький : Горьковское областное издательство ОГИЗ, 1937. – 82, [2] с. : рис. – Текст : непосредственный.

Издание поступило в фонд 27 октября 1937 года.

Ему казалось, что там, за стеной, прыгают какие-то хвостатые и отрывают друг у дружки хвосты.

Он хотел заплакать, но раздумал и неслышно сказал:

— Я боюсь.

Доктор пощекотал ему пальцем живот и выкатился в открытую дверь.

А из-за двери кричали:

— Улетела Франция! Ловите, ловите!

— Буба, отдай пятилетку!

— Зоя Львовна, поднимите Америку!

Сереза ничего не понимал. Что за Буба? Какая Америка? О чем они кричат, эти хвостатые?

Сереза приехал сюда из Москвы. Путешествие замучило его. Теперь он отдыхал после долгой и трудной дороги. Его вымыли в ванне, остригли ему вихры, перевязали больное колено и положили в изолятор, в отдельную комнату. В изоляторе было чисто и пусто. Говорили здесь шопотом, ходили на цыпочках. Целыми стаями влетали сюда воробьи, удивительно смелые, и в погоне за хлебными крошками прыгали к Серезе на кровать.

— Ой, они такие нахалы! — говорила о них Зоя Львовна и хлопала в ладоши, чтобы они улетели.

Зоя Львовна была седая и быстрая. Она часто приходила к Серезе, давала ему молока и всё рассказывала про ужасного Бубу, который, чуть только приехал сюда, объелся зубным порошком.

— Ему дали зубы почистить, а он... целую коробку... да, да... Ой, это такой хулиган!..

Зои Львовны Сереза не боялся ни сколько. Он боялся тех, что там, за дверью: хвостатые, драчуны, обезьяны горластые.

4

шепочки, пёрышки, ленточки, нитки, бумажки, и вся лежащая в кроватях детвора то и дело кричала им вслед:

— Ловите! Держите! Поднимите! Поймайте!

Взрослые в синих и белых халатах поминутно поднимали с земли какой-нибудь убежавший предмет и водворяли его на прежнее место, но тот убегал опять, и опять начиналась погоня.

А над кроватями, над головами ребят, как сумасшедшие, мотались под ветром какие-то крохотные бумажные змеи, — или нет, не змеи, а просто бумажки на ниточках, целые десятки бумажек. Они то взлетали, то падали и зацепляли пробегающих людей.

Серезу хотели укрыть простыней, но простыня заполо- скалась, задержалась и стала буйно вырываться из рук.

С нею в конце концов справились, но потом пустились ловить убежавшую „Пионерскую правду“, потом белую полотняную шляпу, а потом с соседней кровати улетела тетрадка с картинками, и ветер перелистал ее всю, от первой до последней страницы, и одним духом унес к тому дереву, которое стояло у края площадки.

Дерево было чудное: всё увешано лоскутками и ленточками — красными, зелеными, синими, которые, как живые, шевелились и дергались, рвались улететь в высоту.

237944

Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки художника Ю. А. Порфирьева. — Горький : Горьковское областное издательство ОГИЗ, 1937. — С. 4, 6. — Текст : непосредственный.

8. МЫ ТРЕБУЕМ!

Но лучше Цыбули, лучше Пани Мурышкиной, лучше всех воробьев и мастирок, даже лучше хвостатого дерева был на Солнечной Израиль Мойсеич. Сережа пламенно влюбился в него.

Войдет незаметно, застенчиво, как будто украдкой, присядет на тумбочку возле чей-нибудь койки и начнет своим тихим болезненным голосом, вяло и неторопливо рассказывать, что творится сейчас на советской земле, и понемно-

гу вся Солнечная проваливается в какую-то яму, и на том месте, где только что были кровати, вскидываются к небу подъемные краны и вгрызаются в промерзлый песок экскаваторы, и бегут и бегут по конвейерам бесконечные фордозы, грузовики и станки, и миллионы людей, заполняя собою всё море, от горизонта до берега, быстро-быстро, совсем как в кино, машут топорами, молотками, кирками, громоздя десятки Днепростроев, прокапывают русла новых рек, воздвигают в пустынях города, и всё это называется великая пролетарская стройка. И не было такого хромоножки, такого горбуна, паралитика, который, слушая Израиль Мойсеича, не рвался бы и сам в эту стройку, не хотел бы внести в нее ну хоть кирпичик, хоть винтик, чтобы скорее, не послезавтра, а завтра, на зло кровососам-буржуям, наступило всесветное счастье.

Послушали бы вы, с какой нежностью произносил Израиль Мойсеич слово шарико-подшипники. Принес целую горсть этих шариков и так любовно перебирал их у себя на ладони, так ласково гладил их своими бескровными пальцами, словно всю жизнь только и ждал этой радости.

Года три или четыре назад он проработал всю зиму в

Из компота на нее
Выпучил глазищи
Ой-ой-ой какой большой
Белый червячище!

Кривоносый и в очках
Смотрит зло и строго:
„Кушай, Нина: в червяках
Витаминов много!“

Эти стишки он написал на доске и тихонько показал Соломону. Соломон воскликнул: „уююй!“ и от удовольствия поцеловал свои пальцы. Через минуту стишки разнеслись по всей Солнечной. Солнечная выучила их наизусть. Цыбуля, ласково похрюкав над ними, сейчас же начал рисовать к ним картинку. Было решено напечатать их в стенгазете, в ближайшем номере, вместе с картинкой, которую нарисует Цыбуля. В тот же день очень многие обитатели Солнечной написали письма в Батуми, в Ереван, в Ленинград, в Симферополь своим матерям и отцам о том, что у них на площадке появился знаменитый поэт. И они были правы, так как с этого дня Сережа стал действительно знаменит на всю Солнечную.

Его стихи не понравились только одному человеку — повару. Повар говорил, что они никуда не годятся, потому что где же это видано, чтобы вареные черви выпучили на кого-нибудь глазищи, носили очки и говорили человеческим голосом? Не одобрял он также картинку, которую сделал Цыбуля: на картинке была нарисована огромная чашка, и оттуда выползал, извиваясь, отвратительный змей, а лицо у змея было точь в точь как у повара — с такой же отвислой губой и в таком же белом колпаке. Повар говорил, что эта картинка никуда не годится, потому что червей в колпаках не бывает, но остальные зрители были очень довольны. Пра-

237944

Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки художника Ю. А. Порфирьева. — Горький : Горьковское областное издательство ОГИЗ, 1937. — С. 22, 30. — Текст : непосредственный.

Зюка покраснел спиной и шеей.

— Это что! — закричала какая-то новенькая из колонии диких. — А вчера нянечка Клавочка несет меня в ванночку, и вдруг ее хлясь по ногам. Она как подскочит, как закричит: аяяй! и головою об столб. Чуть не кинула меня на землю, на камни. Смотрим, а это мастирка, а на конце у нее дохлая ящерка.

— Не надо, не надо мастирок! — дружно закричали звенные, и каждый, вытащив из-под матраца мастирку, с отвращением отшвырнул ее прочь.

Скоро вся площадка запестрела разноцветными нитками, и Нина и другие ходячие еле успевали поднимать их с земли.

Конечно, кое-кто попытался припрятать свою мастирку подальше, но таких было пять или шесть человек, и их живо вывели на чистую воду.

Нитками набили большую коробку, и чего только не было на концах этих ниток: гайки, улитки, камешки, карамельки, оловянные солдатики, гвозди.

Нитки в большинстве были крепкие: их ребята добывали из английских шнурков, которыми прикрепляется парусиновый тент.

Вдруг послышался нищенский голос Илька:

— Золотые мои! Что же вы делаете? Как же я буду жить без мастирки?

Под матрацем у него конфисковали кучу всевозможных мастирок; одна была даже с маленькой гиришкой, которую, как утверждали ребята, он будто бы похитил в больничной аптеке.

50

ленькими близорукими глазками. Кажется, надень ему очки, и он сейчас возьмется за газету. Он стоял перед ребятами и хрюкал рокочущим басом, хрюкал непрерывно, как будто рассказывал какую-то занятую историю. История была очень длинная. Рассказывая ее, он увлекся и, должно быть, совершенно забыл, что слушатели не понимают его языка. История была серьезная, грустная, но слушатели надрывались от смеха. Особенно смешно было то, что у него на обеих щеках висели длинные седые бакенбарды, которые придавали его доброму рылу стариковский солидный вид. Странно было называть его Яшкой: хотелось говорить ему „вы“ и величать его по имени-отчеству.

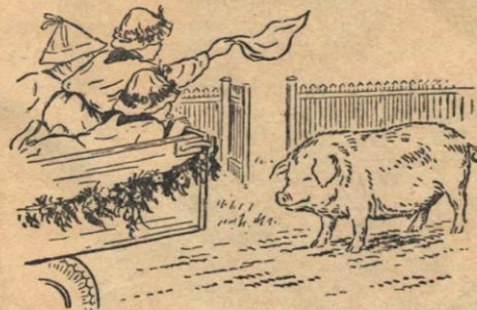
— Яков Иванович, не хотите ли хлеба?

— Яков Иванович, приезжайте к нам в гости на Солнечную...

Но он не слушал и с увлечением продолжал свою речь. Тут подошла тетька Варя и сказала:

— Пора домой.

Ребята закричали: „Нет, нет!“, но шофер уже завел машину — и прощай, колхоз! Прощайте, зеленые домики! Прощай, Степанида Ивановна! Прощай, глубоко уважаемый Яшка! Они махали Яшке шляпами, он глядел на них степенно

237944

Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки художника Ю. А. Порфирьева. — Горький : Горьковское областное издательство ОГИЗ, 1937. — С. 50, 69. — Текст : непосредственный.

*Маргарита Максимилиановна
Михаэлис
(1898 – 1981)*

Маргарита Максимилиановна родилась в Санкт-Петербурге в семье служащего. После окончания гимназии училась в Московском Строгановском училище, Пречистенском практическом институте, в студии художника Д. Н. Кардовского. Учёба у известных мастеров и педагогов оказала большое влияние на формирование М. Михаэлис как художника.

Наблюдательность, правдивость, эмоциональность, проявленные в ее первых иллюстрациях, сделанных для Учпедгиза и Детгиза, привлекли внимание редакций журналов «Мурзилка», «Искорка», где она активно начинает сотрудничать.

С первых самостоятельных шагов художница обращается к детской тематике и сохраняет ей верность на всем протяжении творческого пути, иллюстрируя в основном книги для детей и юношества. Наиболее запоминающейся работой М. Михаэлис этого периода были рисунки к книге К. Паустовского *«Кара-Бугаз»* (1934), созданные в творческом общении с автором.

Тяжелое военное время породило М. Михаэлис с чувашским краем. В 1941 году она была эвакуирована в Мариинско-Посадский район. В Эльбарусовской средней школе Маргарита Максимилиановна преподавала черчение, рисование и немецкий язык.

В 1944 году Союз художников Чувашии приглашает её в Чебоксары, где она начинает работать старшим художником Чувашского книжного издательства.

Маргарита Максимилиановна любила повторять: «Надо, как писал Роллан, "жить, как будто бы у тебя остался один день и ещё 100 лет"». Следуя этой заповеди, она упорно работала, постоянно совершенствуя своё мастерство.

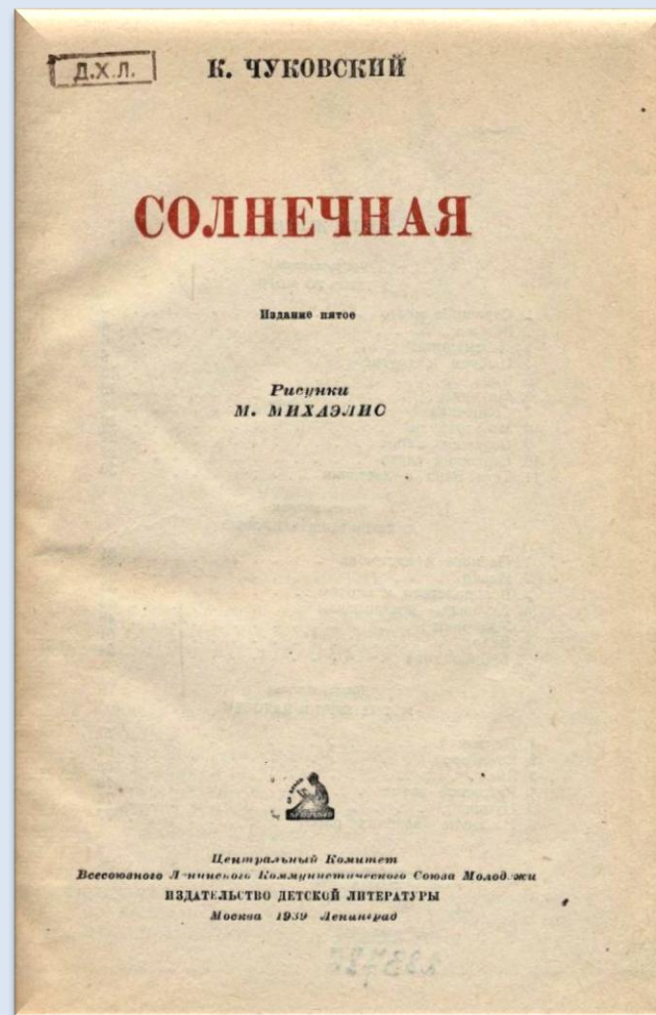
Талант и труд М. М. Михаэлис были высоко оценены и в 1976 году ей присвоено почётное звание Заслуженного художника Чувашской АССР.

Цит. по: Михаэлис Маргарита Максимилиановна. – Текст : электронный // Управление по делам архивов Минкультуры Чувашии : официальный сайт. – 1996 – 2022. – URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=1&id=44434 (дата обращения: 30.03.2022).

Источник фото: Художник Маргарита Михаэлис. – Изображение : электронное // Лаборатория фантастики. – 2005 – 2022. – URL: <https://fantlab.ru/art9344> (дата обращения: 30.03.2022).

П. В. Сизов (1921–1996).
М. М. Михаэлис за чтением. 1956. Бумага,
карандаш. 14,5 х 10,5 см. Чувашский
государственный художественный музей, КП—
17625.

283786
Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ;
рисунки М. Михаэлис. – Издание пятое. –
Москва ; Ленинград : Издательство детской
литературы, 1939. – 79, [1] с. : рис. – Текст :
непосредственный.

Издание поступило в фонд 29 января
1940 года.

Часть первая
У ТЕПЛОГО МОРЯ

1. СТРАШНОЕ МЕСТО

Доктор был круглый, как шар. Звали его Барабан Барабаныч. Он вкатился к Сереже в комнату и сказал таким веселым голосом, будто предлагал поиграть в какую-то забавную игру:

— Ну, Чучело-Чумичело, покажи-ка твое копыто.

У Сережи болела нога, и Барабан Барабаныч называл ее почему-то копытом.

Он долго вглядывался в Сережину ногу, мерил ее какими-то циркулями и бормотал: «Превосходно, отлично», а из-за двери в это время кричали:

— Хвост! Хвост! Зацепился за дерево!

— Зоя Львовна! Поймайте мой хвост!

— Буба, Буба, не держи, отпусти!

— Зоя Львовна, это мой, а он оторвал и держит!

Крики пугали Сережу. У Сережи был сильный жар. Ему казалось, что там, за стеной, прыгают какие-то хвостатые и отрывают друг у дружки хвосты.

283786

**Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки М. Михаэлис. – Издание пятое. – Москва ; Ленинград :
Издательство детской литературы, 1939. – С. 3, 5. – Текст : непосредственный.**

какая-нибудь или зверек, вроде белки. Зачем он мучает мастирку? Ей больно.

Но курносая девочка, бойко прыгавшая на одном костыльке, объяснила ему, что мастирка — это просто-напросто длинная нитка, к концу которой привязан какой-нибудь груз — ну ключик, ну карандаш, ну копейка.

— Вот погляди на Илька. Он у нас первый мастирщик.

Сереза увидел невдалеке от себя худого черномазого мальчика, у которого в руках была нитка, а на конце нитки — костяное кольцо.

Как раз в это время по площадке катился подхваченный ветром мяч. Черномазый прицелился, бросил кольцо, дернул за нитку — раз! — и вот уже мяч у него на кровати. Bravo, bravo! Совсем как в цирке.

Сереза посмотрел на Илька с восхищением. Илько подмигнул ему и стал щеголять перед ним своей ловкостью: кинул колечко в далекую клумбу, вырвал оттуда какой-то мохнатый цветок и через минуту уже нюхал его, громко причмокивая.

«Этому и ноги не нужны, — подумал Сереза. — Он своей ниткой достанет себе все, что понадобится».

Илько, не отрывая цветка от мастирки, швырнул его прямо к Серезе:

— Эй, новенький! Вот тебе роза.

Сереза обрадовался. Спасибо! Спасибо! Но роза дернулась, взвилась и снова улетела к Ильку.

Сереза почему-то сконфузился.

— погоди! — сказал Серезе его рыжий сосед и выхва-

7

те им письмо или ложку, а они хватают эти вещи ногою, чтобы вам не пришлось нагибаться.

А вон тот, что у бочки, — горбатый. И этот тоже. И этот. И этот. У одних горбки маленькие, еле заметные, величиною с пятак, а вон у того, что с краю, как будто круглый хлебец лежит на спине, темный хлебец из ржаной муки, потому что горб у него почернел от загара. А у рыжего и горб какой-то рыжий, — красная кожа на нем облупилась от солнца.

А вон те прикручены к кроватям какими-то широкими тесемками — нет, фитилями от ламп! — и ноги у них в гипсовых коробках.

А у этого привязан к ноге какой-то тяжелый мешочек; мешочек свешивается на шнурках через спинку кровати и тянет, тянет ногу за собой.

А у этого в гипсе и нога и все туловище.

А вот тут что такое? Никак не понять.

Лежит на кровати большая доска, а из-под доски раздается пыхтение и даже как будто хрюканье. Кто-то копошится под доской, доска чуть-чуть колыхается, словно дышит.

10

283786

Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки М. Михаэлис. — Издание пятое. — Москва ; Ленинград : Издательство детской литературы, 1939. — С. 7, 10. — Текст : непосредственный.

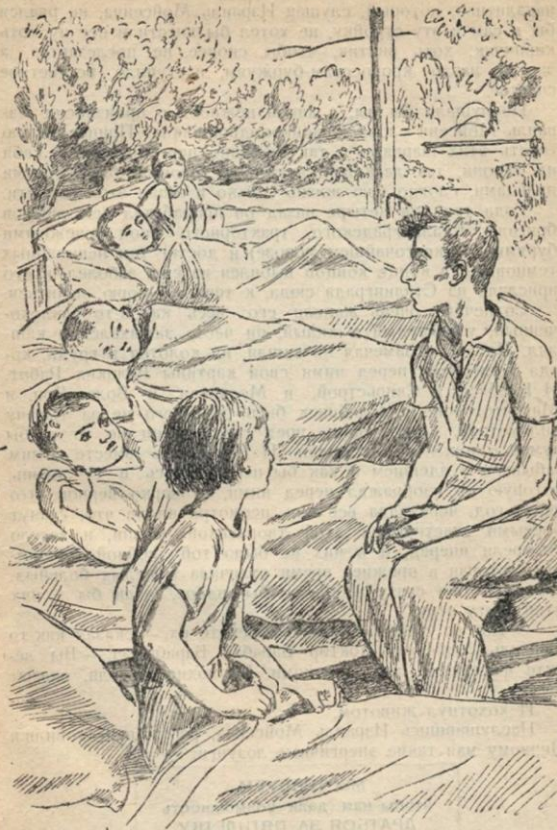

Сережа не знал, кого слушать. Особенно кипятился лилипут Соломон, маленький человечек с большой головой, лежавший у самого края, неподалеку от хвостатого дерева. Лицо у Соломона было стариковское, сморщенное, а ручки и ножки — как у пятилетнего мальчика.

Бубу он ненавидел до слез и, чуть только услышал его имя, тотчас же приковывал на своем костыльке и затараторил взволнованным голосом:

— Буба? Это бандит-паразит-мародёр! Ему место не здесь, а за хорошей решеткой. Я лежу здесь уже пятый год, а еще не видел таких паразитов. Мы с ним цацкаемся: «Бубочка, Бубочка», а его нужно к чертям, и чем скорее, тем лучше.

14

283786

Чуковский, К. Солнечная / К. Чуковский ; рисунки М. Михаэлис. — Издание пятое. — Москва ; Ленинград : Издательство детской литературы, 1939. — С. 14, 21. — Текст : непосредственный.

Чуковский, К. И. Серебряный герб. Солнечная : повести / К. И. Чуковский ; художники: Н. Цейтлин, Т. А. Маврина. – Москва : ЭКСМО, 2011. – 416 с. : ил. – (Детская библиотека). – ISBN 978-5-699-48917-6.

Чуковский, К. И. Солнечная / К. И. Чуковский ; художник Т. А. Маврина. – Москва : Текст, 2019. – 124, [4] с. : ил. – (Детская библиотека). – ISBN 978-5-7516-1530-7.

Оба издания в фонде ЗНБ СГУ отсутствуют.

*За представленными на выставке изданиями приглашаем
в Зональную научную библиотеку имени В. А. Артисевич СГУ
(ул. Университетская, 42)*

